

О преподаваніи гомилетики въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ.

Не такъ давно въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, издаваемыхъ при Св. Синодѣ ¹⁾, было напечатано официальное опроверженіе циркулировавшихъ за послѣднее время въ періодической печати слуховъ относительно стоявшей, будто бы, на ближайшей очереди реформы духовно-учебныхъ заведеній, въ особенности-же относительно подробностей этой реформы. Этому опроверженію можно лишь порадоваться... Въ частности весьма отрадно, что не осуществилась молва объ измѣненіи положенія въ ряду другихъ наукъ семинарскаго курса гомилетики,—о соединеніи ея съ теоріей словесности и исторіей литературы ²⁾. Само собою разумѣется,—оправдайся эта молва,—мы жалѣли-бы не о разрывѣ нынѣшняго союза гомилетики съ литургикой и практическимъ руководствомъ для пастырей. Опытъ показалъ, что сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ преподаванія трехъ упомянутыхъ, обширныхъ и мало разработанныхъ, наукъ,—вызванное, можетъ быть, нѣкоторымъ матеріальнымъ ихъ сродствомъ и однороднымъ характеромъ, а можетъ быть, желаніемъ соблюсти внѣшнее, въ отношеніи количества уроковъ, равенство между отдѣльными преподавателями семинаріи,—не принесло добрыхъ плодовъ. Какъ и нужно было ожидать, почти всегда удѣлялось и удѣляется извѣстное вниманіе преподаванію только одной какой-нибудь науки (большей частью)

¹⁾ № 30, отъ 24 іюля 1899-го года.

²⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что проектъ подобной реформы, по крайней мѣрѣ, относительно академической гомилетики, не является совершенной новостью. А. Говоровъ. „Основной принципъ церк. проповѣди и вытекающіе изъ него предметъ и задачи церковнаго краснорѣчія“. Казань. 1895. Прим. на стр. 4—5.

литургики); союзницы-же ея по необходимости довольствовались и довольствуются, такъ сказать, уже остатками учительскаго и ученическаго вниманія. Нѣтъ, еслибы осуществилась предполагавшаяся, будтобы, реформа относительно преподаванія гомилетики, мы жалѣли бы лишь о томъ, что столь важная и столь трудная наука отдана, какъ что-то второстепенное и легкое, преподавателю, на которомъ и безъ того лежитъ слишкомъ много (болѣе, можетъ быть, чѣмъ въ комъ-либо изъ учителей семинаріи) обязанностей, чтобы онъ могъ удовлетворительно исполнить еще и новыя. Заранѣе можно было-бы сказать, что преподаваніе гомилетики,—особенно на первыхъ порахъ, пока не совершилось приспособленіе къ измѣнившемуся положенію дѣла,—не болѣе привлекло-бы къ себѣ вниманія и силъ и не болѣе-же принесло-бы положительныхъ результатовъ, чѣмъ въ настоящее время.

Въ пользу соединенія гомилетики съ теоріей словесности и исторіей литературы могутъ сказать и дѣйствительно говорить, что проповѣдь есть одинъ изъ видовъ словесности, и гомилетика—отдѣлъ теоріи словесности,—„священная риторика“, какъ называютъ ее иначе. Но опредѣленіе проповѣди, какъ вида только словесности, — скажемъ словами проф. Н. И. Барсова,—уже „логически неправильно: оно опредѣляетъ предметъ (проповѣдь) не полно и односторонне,—лишь съ внѣшней стороны (только какъ „слово“),—и не даетъ существеннаго признака его — указанія чертъ его внутренней сущности или природы,—два предмета, однородные по внѣшней *формѣ* (словесному выраженію), отождествляетъ по самой ихъ *природѣ* или существу“ ¹⁾. Между тѣмъ даже по внѣшней своей сторонѣ, по формѣ,—насколько правила относительно послѣдней диктуются не умомъ и эстетическимъ вкусомъ только, какъ правила теоріи словесности,

¹⁾ „Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ“. СПб. 1899. 7 стр.

Къ занимающему насъ вопросу имѣютъ отношеніе слѣд. статьи этой книги: „Къ ученію о существѣ или природѣ христ. литургіиной проповѣди“,—„О возможныхъ улучшеніяхъ въ современной нашей церковной проповѣди“,—„Очеркъ исторіи гомилетики“,—„О преподаваніи гомилетики въ семинаріяхъ примѣнительно къ новому уставу“,—отчасти-же—„Наша высшая профессиональная духовная школа“.

но болѣе нравственнымъ и религіознымъ чувствомъ,—проповѣдь есть далеко не то же, что любого рода произведеніе свѣтской словесности ¹⁾. Тѣмъ менѣе можетъ быть отождествляема проповѣдь съ этими произведеніями по внутренней сторонѣ ²⁾. Конечно, въ созданіи проповѣди, какъ и ораторскаго произведенія, имѣютъ значеніе природныя духовныя и (отчасти) тѣлесныя силы и способности человѣка, а также его общее и богословское образованіе ³⁾, но въ то же время Св. Писаніемъ и св. отцами Церкви ⁴⁾ проповѣдь понимается не какъ произведеніе только естественнаго ораторскаго искусства ⁵⁾ или соответствующаго образованія ума ⁶⁾, а главнымъ образомъ какъ „явленіе духа и силы“ (1 Кор. 2, 4), какъ одно изъ проявленій божественной благодати, подаваемой каждому христіанину въ таинствѣ крещенія, въ особенной-же полнотѣ получаемой имъ въ таинствѣ священства ⁷⁾. Поэтому, въ имѣющемъ мѣсто и въ наши дни отождествленіи проповѣди съ ораторскимъ искусствомъ проф. Н. И. Барсовъ вполне справедливо видитъ, „проектъ *обезрелигіоженія* проповѣди, лишеніе ея существеннаго элемента самой ея природы“ ⁸⁾. Понимаемая такимъ образомъ (какъ произведеніе божественной благодати, „врачующей немощная и восполняющей оскудѣвающая“ въ развитыхъ соответствующимъ образованіемъ естественныхъ силахъ и способностяхъ человѣка), проповѣдь, въ противоположность произведеніямъ свѣтской словесности ⁹⁾, всегда преслѣдуетъ одну и ту же

¹⁾ Ср. Барсовъ. Указ. соч., стр. 8, также 11.

²⁾ Это истина, ясная, по крайней мѣрѣ, на словахъ, даже для нѣкоторыхъ изъ нашихъ учебныхъ руководствъ по гомилетикѣ. Имѣемъ въ виду „Образцы русской церковной проповѣди 19 вѣка“ М. А. Поторжинскаго. Кіевъ. 1882. Стр. 693.

³⁾ Барсовъ. Указ. соч., стр. 18.

⁴⁾ Подробнѣе изложеніе этого ученія см., напр., въ указанномъ сочиненіи Барсова, стр. 5—7.

⁵⁾ Доказательства см. у Барсова, указ. соч., стр. 8—10.

⁶⁾ Доказательства см. *ibid.*, стр. 10—11.

⁷⁾ Барсовъ. Указ. соч., стр. 4. 277—8. 280 слл. Ср. Говоровъ. Указ. соч. стр. 9. Высокопр. Амвросій, архіеп. Харьковский. „Живое слово“. Харьковъ. 1892. Стр. 16—19. 78.

⁸⁾ Барсовъ. Указ. соч., стр. 13—14.

⁹⁾ Последняя обыкновенно характеризуется, особенно въ классическомъ мѣрѣ, непосредственно-практическимъ, утилитарнымъ направленіемъ. Говоровъ. Указ. соч., стр. 15 *ad fin.*—16.

цѣль назиданія или религіозно-нравственнаго перерожденія слушателей въ духъ христіанства ¹⁾. Говоря иначе, цѣль проповѣди—„воплощеніе христіанской истины въ жизнь личную и общественную“ ²⁾, которое, „бывъ осуществлено, было бы водвореніемъ царства Божія на землѣ“ ³⁾. Въ связи съ только что отмѣченнымъ находятся и другіе пункты внутренняго и вѣшнѣяго различія между проповѣдью и свѣтской литературой. Въ противоположность послѣдней первая излагаетъ, можно сказать, только извѣстные предметы (ученіе Церкви ⁴⁾, извѣстнымъ лицамъ (настоящимъ или будущимъ христіанамъ) и въ извѣстномъ мѣстѣ (преимущественно въ храмѣ), а также въ соответствующемъ (церковно-библейскомъ) духѣ ⁵⁾ и нѣсколько особеннымъ (въ смыслѣ строгаго соответствія требованіямъ не только эстетическаго, но гораздо больше нравственнаго и религіознаго чувства) слогомъ.

На основаніи всего сказаннаго „какъ проповѣдь по своей природѣ“ далеко не то же, что произведеніе свѣтской словесности, а „главнымъ образомъ „явленіе духа и силы“, такъ и гомилетика отнюдь не есть „священная риторика“ или риторика вообще, ... приспособленная къ механической выучкѣ техникѣ проповѣдническаго дѣла, понимаемой въ смыслѣ исключительно *сочиненія* проповѣди. Гомилетика—самостоятельная наука, и притомъ наука специально богословская, и, какъ таковая, имѣетъ свое самостоятельное, не-

1) Подробно объ этомъ см., напр., въ указ. соч. Говорова, стр. 11—15 ab init.—Ср. „Живое слово“, стр. 9 ad fin.—10 ab init.

2) Говоровъ. Указ. соч., стр. 42.

3) Архим. (нынѣ епископъ) Борисъ. „Въ какихъ отношеніяхъ важно для пастыря Церкви обладать научнымъ знаніемъ богословія?“ Стр. 4 Цитату см. въ указ. соч. Говорова, прим. 2 на стр. 42.

4) Подробнѣе объ этомъ см., напр., въ указ. соч. Говорова, стр. 15.—Здѣсь, между прочимъ, говорится, что „этимъ элементомъ, составляющимъ родовой признакъ христіанскаго церковнаго краснорѣчія, оно существенно отличается отъ античнаго краснорѣчія и вообще отъ ораторства свѣтскаго“.

5) Подробно, напр., въ указ. соч. Говорова, стр. 16 ad fin.—20. — Этотъ духъ характеризуется здѣсь главнымъ образомъ какъ непоколебимое и живое, хотя *субъективное убѣжденіе* проповѣдника въ *объективной истинѣ* возвѣщаемаго имъ ученія *христіанской вѣры*. — Срвн. указ. соч. Поторжинскаго, стр. 693.

зависимое отъ общей риторики, содержаніе, обоснованное всецѣло на богословскомъ понятіи о существѣ или природѣ проповѣди“ ¹⁾). Вотъ почему, помимо другой, отмѣченной также нами, причины, мы противъ соединенія гомилетики съ теоріей словесности и исторіей литературы.

Но, говоря такъ, мы далеки даже отъ мысли, что современное положеніе гомилетики въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ не нуждается въ измѣненіи.... Нѣтъ, мы думаемъ, что будущая реформа семинарій должна будетъ коснуться этой науки едва ли не прежде и не больше всѣхъ другихъ. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время обученіе проповѣдничеству въ нашихъ семинаріяхъ поставлено далеко не такъ, чтобы на немъ можно было окончательно успокоиться.

Очень характерно для современнаго положенія гомилетики въ духовныхъ семинаріяхъ, что она до сихъ поръ не имѣетъ даже настоящей программы. Последнюю замѣняетъ для учителей „выписка изъ утвержденнаго Св. Синодомъ ^{21 февраля}_{6 марта} 1886 г. журнала Учебнаго Комитета, № 221“. „Выписка“, правда, „оставляетъ въ силѣ и на будущее время“, вмѣстѣ съ учебникомъ по теоріи гомилетики прот. Фаворова, „согласную съ нимъ (учебникомъ) программу сей науки“. Но эта программа касается только имѣющихъ второстепенное значеніе (по признанію самой „выписки“) теоретическихъ занятій по нашей наукѣ. Подобнымъ недостаткомъ (и почти въ такой-же степени) страдаетъ и „программа гомилетики“, изданная въ 1895 г. преподавателемъ С.-Петербургской духовной семинаріи Я. П. Зарницкимъ. Кромѣ того,—не говоря уже о частномъ характерѣ этого изданія,—программа г. Зарницкаго „составлена“,—правда, „съ измѣненіемъ порядка отдѣловъ и нѣкоторыми дополненіями“,—„примѣнительно къ учебному руководству по гомилетикѣ прот. Фаворова“, чѣмъ однимъ,—какъ будетъ ясно немного ниже,—все уже сказано относительно достоинства этой программы. Между тѣмъ упомянутая „выписка“, по одной своей краткости (всего 4 стр. крупнаго шрифта) неспособная замѣнить настоящую программу, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя несогласованныя

¹⁾ Барсовъ. Указ. соч., стр. 4.—Того-же, въ общемъ, взгляда держится въ указан. соч. и проф. Говоровъ.

между собой, непрактичныя и даже совсѣмъ неосуществимыя указанія.

На основаніи, между прочимъ, „общаго мнѣнія опытныхъ преподавателей сего предмета въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ“, что „желаемая польза отъ изученія гомилетики можетъ получиться не столько отъ научныхъ знаній по сему предмету, сколько отъ правильно и методически веденныхъ практическихъ упражненій учениковъ въ проповѣдничествѣ“, „выписка“ справедливо утверждаетъ, что гомилетика—наука „практическаго характера“ и должна преподаваться „практическимъ“—же методомъ. Соответственно съ этимъ „выпиской“, съ одной стороны, исключается изъ семинарскаго курса исторія проповѣдничества, „какъ особая наука или часть гомилетики“, съ другой—опредѣляется въ общихъ чертахъ сущность и порядокъ веденія только что упомянутыхъ „практическихъ упражненій“, какъ и изученія науки вообще. Устанавливая практическій методъ преподаванія, „по которому изученіе теоріи непременно должно быть соединяемо съ разборомъ и изученіемъ образцовыхъ проповѣдей и собственными упражненіями учениковъ въ составленіи и произношеніи проповѣдей всякаго рода“, по которому, иначе, „теоретическія правила гомилетики должны быть непременно подтверждаемы примѣрами изъ образцовыхъ проповѣдей и даже выводимы изъ нихъ,“—„выписка“ „оставляетъ въ силѣ и на будущее время“ „учебное руководство по теоріи гомилетики, составленное протоіереемъ Н. Фаворовымъ“. Конечно, гомилетика Фаворова во всѣхъ отношеніяхъ лучше компилятивной стряпни г. Чепика ¹⁾ и мало разнится по содержанію отъ краткихъ, хотя и хорошо изложенныхъ, совѣтовъ гомилетическаго характера, чтò мы находимъ въ концѣ одной христоматіи свящ. Поторжинскаго ²⁾,—единственныхъ, сколько намъ извѣстно, болѣе или менѣе

¹⁾ „Опытъ полнаго курса гомилетики“. М. 1893.—Доказательства компилятивности этой книги см. въ статьѣ г. В. П-ва: „Pia desideria“... „Бог. Вѣстн“. 1894. I Стр. 357—370 и др.

²⁾ „Образцы русской церк. проповѣди 19 вѣка“. Кіевъ. 1882. Стр. 686—731.—„Краткую гомилетику“ о. Поторжинскаго, кажется, будетъ вполне справедливо назвать толковымъ *compendium*’омъ широковъщательнаго учебника прот. Фаворова, изложеннымъ, однако, по нѣсколько иному, чѣмъ послѣдній, плану.

новыхъ русскихъ руководствъ по нашей наукѣ (если не считать прекрасной книги высокопреосв. Амвросія Харьковскаго: „Живое Слово“, которая касается, къ сожалѣнiю, одной лишь импровизаціи). Но было бы странно назвать упомянутое руководство хорошимъ. Представляя изъ себя почти одни мало содержательные и архаически изложенные, а потому трудно усваиваемые ¹⁾ перепѣвы изъ стариннаго курса гомилетики покойнаго профессора кievской духовной академіи Я. К. Амфитеатрова, теоретическія правила гомилетики Фаворова не только не могутъ быть „подтверждаемы примѣрами изъ образцовыхъ проповѣдей“ (особенно святоотеческихъ),—тѣмъ менѣе „выводимы изъ нихъ“, ²⁾—но даже и искусственно не примиримы съ послѣдними. Вотъ выводъ, къ которому скоро приходитъ каждый преподаватель гомилетики въ семинаріи и который несправедливъ развѣ только по отношенію къ проповѣдямъ Симеона Полоцкаго, Стефана Яворскаго, Теофана Прокоповича и имъ подобныхъ проповѣдниковъ схоластическаго направленія. Такъ, впрочемъ, и должно быть. Покойный прот. Фаворовъ, какъ и его источникъ проф. Амфитеатровъ,—по традиціи, перешедшей къ намъ черезъ Кіево-Могиліанскую коллегію изъ западныхъ богословскихъ школъ,—въ своемъ учебномъ руководствѣ находится въ зависимости отъ схоластической гомилетики съ ея ученіемъ почти исключительно о матеріи и формахъ проповѣди, также о ея логическомъ построеніи и изложеніи ³⁾. Между тѣмъ св. отцы, слово которыхъ всегда было вдохновеннымъ „явленіемъ духа и силы“ и всегда слѣдовало непосредственному, безыскусственному теченію идей, „рѣшительно не знали и не осуществляли никакихъ правилъ построенія и расположенія мыслей,—тѣхъ, какія въ такомъ

1) Срвн. „Хр. Чт.“ 1899. Декаб. Стр. 1088.

2) Ср. у Барсова, указ. соч., стр. 21.

3) Барсовъ. Указ. соч., стр. 4. 7. 289.—Проф. Говоровъ доказываетъ сильную зависимость книги Фаворова отъ схоластической гомилетики главы. обр. въ отдѣлѣ о матеріи проповѣди, точнѣе—въ самомъ существованіи этого отдѣла.—Указ. соч., стр. 7—8.—Находится, подобно прот. Фаворову, подъ сильнымъ вліяніемъ схоластической гомилетики, разумѣется, и о. Поторжинскій, несмотря на то, что онъ довольно ясно видитъ разницу между православной и этой (инославной) гомилетикой (Указ. соч., стр. 693).

изобиліи предлагаются гомилетикою—риторикою¹⁾. Можно сказать болѣе. „Сущность всей гомилетики святоотеческой. ея основная тенденція—рѣшительное и полное отрицаніе риторики мірской... Ораторство ихъ (св. отцовъ) проповѣдей самобытное и своеобразное, природа его и существенныя качества возникаютъ исключительно изъ самобытныхъ христіанскихъ началъ“²⁾. Бл. Августинъ, напр., въ своемъ сочиненіи „de doctrina christiana“ прямо отрицаетъ всякое значеніе риторики для проповѣди, считая послѣднюю порожденіемъ благодатствованнаго христіанскаго творчества³⁾.—Впрочемъ, въ оставленіи книги Фаворова учебнымъ руководствомъ мы видимъ не столько *testimonium paupertatis* русской гомилетической литературы, сколько самопротиворѣчивое колебаніе „выписки“ между правильнымъ взглядомъ на гомилетику, какъ науку пракческаго характера, и устарѣлымъ, невѣрнымъ воззрѣніемъ на нее, какъ часть словесности, какъ теорію лишь церковнаго краснорѣчія, какъ „священную риторику“,—воззрѣніемъ, представителемъ котораго, какъ только что сказано, является покойный о. Фаворовъ. Подобная-же внутренняя несогласованность „выписки“ обнаруживается и въ томъ, что, исключивъ изъ семинарскаго курса исторію проповѣдничества, она указываетъ, однако, чтеніе проповѣдей вышеупомянутыхъ Симеона Полоцкаго, Стефана Яворскаго, Теофана Прокоповича и имъ подобн. выучениковъ схоластической школы,—чтеніе, которое можетъ имѣть развѣ историческое, самое большее—отрицательно—практическое значеніе.

И нѣкоторыя другія указанія „выписки“ вызываютъ сомнѣніе въ своей практичности или оказываются трудно осуществимыми на дѣлѣ.—Непрактичнымъ намъ кажется пріуроченье къ одному—четвертому—классу теоріи гомилетики, хотя бы „съ разборомъ и изученіемъ образцовъ проповѣди“. Если учитель захочетъ пройти эту теорію, какъ предписано ему,—практически, подтверждая ее на образцахъ, то ему придется или брать эти образцы въ отрывкахъ и извлеченіяхъ, въ чемъ мало пользы (доказательство послѣ), или читать

1) Барсовъ. Указ. соч., стр. 19.

2) Барсовъ. Указ. соч., стр. 14—15, ср. 13.

3) Барсовъ. Указ. соч., стр. 15.

ихъ по нѣскольку разъ. Но въ послѣднемъ случаѣ онъ не только не успѣеть разобрать значительное число указанныхъ образцовъ, но, пожалуй, и не пройдетъ въ четвертомъ классѣ, какъ требуетъ того „выписка“, всей теоріи проповѣди.—Едва-ли можетъ быть признано практичнымъ также и то указаніе „выписки“, что „упражненія учениковъ въ импровизаціи должны состоять сначала въ сказываніи образцовыхъ святоотеческихъ проповѣдей или и позднѣйшихъ и даже современныхъ церковныхъ писателей по заготовленному вѣдъ класса подробному конспекту“. Какъ это прекрасно доказалъ высокопреосв. Амвросій въ своемъ „Живомъ словѣ“ ¹⁾, такія упражненія не могутъ подготовить къ импровизаціи. По нашему мнѣнію, они могутъ быть, самое большее, подсобнымъ средствомъ при обученіи произношенію проповѣдей (подъ условіемъ заучиванья ихъ наизусть).—Трудно, далѣе, допустить, чтобы при четырехъ урокахъ въ недѣлю, назначаемыхъ для гомилетики во всѣхъ классахъ вмѣстѣ, могло быть выполнено надлежащимъ образомъ требованіе программы прочесть и разобрать съ учениками произведенія (и относительно большинства далеко не по одному) 27-ми, „а если позволить время“ (?), то и еще нѣсколькихъ проповѣдниковъ. И это при изученіи теоріи проповѣди, и при такомъ, наконецъ, требованіи: „Собственные упражненія учениковъ въ составленіи опытовъ церковнаго краснорѣчія ²⁾... должны быть предметомъ постоянного заботливаго и руководственнаго вниманія преподавателя гомилетики, должны быть возможно часто назначаемы во всѣхъ классахъ, гдѣ проходится гомилетика, и тщательно исправляемы и разбираемы наставникомъ“.

Вдобавокъ ко всему здѣсь сказанному относительно „выписки“,—единственнаго руководственнаго начала для преподавателя гомилетики, — и учебниковъ по этому предмету, гомилетическія христоматіи, при помощи которыхъ прохо-

¹⁾ Стр. 64—73, срвн. 28—36.

²⁾ Ранѣе и кромѣ того, „выпиской“ „рекомендуется... предлагать ученикамъ, въ видѣ домашнихъ упражненій, дѣлать сокращеніе образцовыхъ проповѣдей или изложеніе ихъ плана и главныхъ мыслей ихъ содержанія“, чтобы, разумѣется, учитель просматривалъ потомъ и разбирать эти упражненія.

дится въ семинаріяхъ наша наука, оставляють желать многого. Прежде всего онѣ очень дороги (христоматія г. Булгакова стоитъ даже 5 р.), такъ что трудно требовать, какъ это ни желательно, чтобы ихъ имѣлъ подъ руками каждый рѣшительно ученикъ старшихъ классовъ. Главное-же, эти христоматіи,—въ общемъ составленныя, по компетентному отзыву, „иногда безъ достаточнаго пониманія научныхъ и дидактическихъ требованій“¹⁾,—выходя изъ устарѣвшаго взгляда на гомилетику, какъ науку теоретическаго характера, приспособлены,—особенно самая полная книга г. Булгакова, — болѣе къ изученію исторіи, чѣмъ практики проповѣди²⁾. Сообразно съ этимъ подборъ проповѣдей въ нихъ болѣе или менѣе случаенъ и во всякомъ случаѣ нестрогъ. Менѣе, чѣмъ къ другимъ, настоящей упрекъ приложимъ къ христоматіи г. Зарницкаго. Но за то многія изъ проповѣдей приведены въ ней, какъ и у о. Поторжинскаго, въ сокращеніяхъ и извлеченіяхъ, что, повторяемъ, почти всегда только вредно³⁾, такъ какъ лишаетъ насъ правильнаго и полнаго понятія объ извѣстномъ проповѣдникѣ.

Вышеуказанныя черты „выписки“, отсутствіе хорошихъ руководствъ и пособій при незначительномъ числѣ уроковъ и массѣ матеріала, подлежащаго изученію,—все это ведетъ къ тому, что преподаваніе гомилетики въ нашихъ семинаріяхъ въ общемъ и въ частностяхъ оставляетъ желать еще очень многого.

„Въ IV классѣ“—говорится въ „выпискѣ“, — „при двухъ урокахъ въ недѣлю проходится теорія гомилетики, съ разборомъ и изученіемъ образцовъ проповѣди, преимущественно святоотеческой“. Раньше мы назвали требованье изучить всю теорію гомилетики,—хотябы „съ разборомъ и изученіемъ образцовъ проповѣди“, а отчасти, именно, изъ-за этого разбора и изученія,—въ одномъ 4-мъ классѣ непрактичнымъ и потому въ дѣйствительности неосуществимымъ. И это тѣмъ болѣе, что учебникъ Фаворова,—не говоря уже о его неудобо-

1) Барсовъ. Указ. соч., стр. 292.

2) В. П-въ. „Программа гомилетики“. „Бог. Вѣст.“ 1895. III. Стр. 402.

3) Почти совсѣмъ иначе думаетъ г. В. П-въ. „Pia desideria“... „Бог. Вѣст.“ 1894. I. 352.

усвоиваемомъ изложеніи, — во многихъ случаяхъ является недоступнымъ для учениковъ 4-го класса, — мало еще образованныхъ въ специально-богословскомъ отношеніи, — и по своему содержанію, особенно въ отдѣлѣ о предметахъ проповѣди и о духѣ, или внутреннемъ ея характерѣ ¹⁾. Въ концѣ концовъ, дѣйствительно, въ этомъ классѣ ни теоріи гомилетики ученики не могутъ изучить въ полномъ объемѣ и съ полнымъ пониманіемъ, ни пріобрѣсти полного и основательнаго знакомства съ достаточнымъ числомъ святоотеческихъ проповѣдей. Тѣмъ менѣе остается здѣсь возможности заниматься какими-либо другими упражненіями изъ числа указываемыхъ „выпиской“.

„Въ V классѣ“, — предписываетъ „выписка“, — „изучаются (опять таки съ разборомъ ихъ учителемъ и учениками) образцы проповѣди частью святоотеческой, преимущественно же русской“. Въ дѣйствительности-же здѣсь, кромѣ того, обыкновенно заканчивается изученіе теоріи гомилетики (отдѣла о сообщеніи церковной проповѣди народу или отдѣла о предметахъ ея). Наконецъ, въ пятомъ классѣ принято занимать учениковъ такими работами, которыя являются прямою подготовкой ихъ къ произнесенію самостоятельныхъ проповѣдей. Мы говоримъ о произношеніи въ классѣ заранее разученныхъ или даже выученныхъ наизусть образцовыхъ проповѣдей и о подыскиваніи и разработкѣ темъ на разные тексты и случаи. Но относительно класснаго произношенія проповѣдей нужно замѣтить, что, во-первыхъ, въ виду недостатка времени ученики очень рѣдко могутъ пользоваться этимъ упражненіемъ, а во-вторыхъ, они еще рѣже имѣютъ въ лицѣ преподавателя гомилетики необходимый хорошій образецъ для подражанія ²⁾. Въ виду этихъ двухъ обстоятельствъ классные опыты произношенія проповѣдей оказываются мало полезными. Что-же касается другого изъ упомянутыхъ выше упражненій, весьма важнаго

¹⁾ В. П-въ. „Pia desideria“... „Б. В.“. 1894. I. 376—378. Ср. ст. г. С. П. „Школа и жизнь“. „Христ. Чтеніе“. 1897. Сент. Стр. 373.

²⁾ Что въ настоящее время искусство произношенія проповѣдей въ общемъ стоитъ у насъ очень не высоко, см. напр., ст. проф. Говорова: „Ораторское искусство въ древнее и новое время“ („Прав. Соб.“ 1897. Май Стр. 647). Пользуемся случаемъ обратить вниманіе читателей на этотъ интересный очеркъ (см. майск. и июльск. кн. упомян. ж. за указ. годъ).

въ смыслѣ выясненія ученикамъ процесса составленія проповѣди, то его, какъ и разборъ образцовъ, въ виду недостатка времени и множества подлежащихъ прочтенію проповѣдей, приходится производить почти всегда устно. Но это зло еще не такъ большой руки. Гораздо хуже, что въ интересахъ все той-же экономіи времени разборъ образцовъ долженъ дѣлать преимущественно самъ учитель. Лишаемый такимъ образомъ возможности постоянно контролировать степень усвоенія своихъ словъ учениками, учитель заранее и необходимо долженъ опасаться, что его работа надъ анализомъ проповѣдей останется гласомъ вопіющаго въ пустынь, что и въ пятомъ классѣ разборъ проповѣдей не окажется особенно плодотворнымъ, хотя учащіеся, знакомые со всею уже теоріей гомилетики, являются здѣсь достаточно подготовленными къ нему.

„Въ VI классѣ“,—по указанію „выписки“,—„продолжается тоже дѣло, съ преимущественнымъ упражненіемъ учениковъ въ произношеніи какъ заранее составленныхъ ими собственныхъ опытовъ проповѣди всѣхъ видовъ, такъ и въ импровизаціи“. — Относительно разбора образцовъ русской проповѣди здѣсь имѣютъ мѣсто тѣже неблагоприятныя условія и, значитъ, тоже сомнѣніе въ плодотворности его для учениковъ, какъ и въ 5-мъ классѣ. Что касается, далѣе, составленія и произношенія учениками самостоятельныхъ письменныхъ проповѣдей, то, вопервыхъ, такіе опыты, — особенно опыты произношенія не только въ церкви, но и въ классѣ, — въ силу того же недостатка времени, не могутъ быть очень частыми, а вторыхъ, ни для кого не тайна, что, при всѣхъ ухищреніяхъ учителя предотвратить списыванье, ученическіе опыты въ проповѣдническомъ родѣ далеко не всегда бываютъ самостоятельными ¹⁾. Такъ наз. классныя импровизаціи, — какъ бы ни былъ способенъ и опытенъ въ подобномъ родѣ самъ преподаватель, сколько-бы ни старался онъ обучить воспитанниковъ этому дѣлу, — никогда не могутъ представить изъ себя что-нибудь иное, кромѣ вымученной болтовни на данную тему. И это даже тогда, когда, — какъ и дѣлается неизбѣжно въ началѣ года въ 6-мъ классѣ, — на приготовленіе къ нимъ дается гораздо больше

¹⁾ Да ученическіе-ли только?

времени, чѣмъ слѣдуетъ для импровизаціи въ собственномъ смыслѣ слова ¹⁾. Да и мудро, совершенно немислимо, чтобы дѣло обстояло иначе. Въ классной импровизаціи отсутствуетъ проповѣдническое вдохновеніе и главная цѣль всякой проповѣди—назиданіе слушателей. Ученикъ-импровизаторъ имѣетъ предъ собой даже не слушателей, а критиковъ, судей. Судятъ его и судятъ насмѣшливо-строго, —знаетъ онъ по собственному опыту,—товарищи, а затѣмъ, по произношеніи импровизаціи, принимается судить его, иногда при помощи кого-нибудь изъ учениковъ (что, кстати, кажется намъ совсѣмъ непрактичнымъ и малополезнымъ, скорѣе — вреднымъ), и самъ учитель ²⁾. Въ виду этой перспективы развѣ только самолюбіе и желаніе получить хорошей баллъ можетъ воодушевить ученика къ произношенію классной импровизаціи. Но такое воодушевленіе не высокаго достоинства и можетъ имѣть своимъ плодомъ все, что угодно, только не проповѣдь ³⁾.

Вслѣдствіе описанныхъ неблагопріятныхъ условій преподаванія нашей науки она не можетъ похвалиться тѣмъ, чтобы пользовалась большимъ вниманіемъ со стороны семинаристовъ, и уроки гомилетики, —несмотря на всѣ усилія преподавателей сдѣлать ихъ болѣе или менѣе живыми и интересными,—говоря вообще, считаются чуть ли не самыми скучными. А эта сторона дѣла едва-ли не самая важная и заслуживаетъ серьезнаго обсужденія. То равнодушіе, которое пріобрѣтается воспитанниками на урокахъ гомилетики

¹⁾ Въ послѣднемъ случаѣ, какъ и письменныя проповѣди, онѣ очень часто оказываются, кромѣ того, и мало самостоятельными.

²⁾ Вотъ компетентное мнѣніе относительно классныхъ импровизацій архіеп. Амвросія: „Неумѣтны опыты импровизацій, которые чуть не въ видѣ игрушки заставляютъ дѣлать нѣкоторыхъ воспитанниковъ (въ классѣ и) на экзаменахъ, сопровождая ихъ улыбками, а иногда и смѣхомъ товарищей при замѣчаемыхъ недостаткахъ или ошибкахъ“.—„Живое слово“, стр. 122.

³⁾ Высокопреосв. Амвросій указываетъ еще одно неизбѣжное внѣшнее неудобство классныхъ импровизацій. „Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ... заставляютъ учениковъ говорить устные поученія въ классахъ со своего мѣста за партою, въ другихъ ставятъ ихъ на профессорскую кафедру: всѣ подобныя приемы я признаю не соответствующими цѣли... Ученикъ за партою остается ученикомъ, передающимъ урокъ, ученикъ на кафедрѣ можетъ быть приготовляемъ къ учительству, а не къ проповѣди“.—„Живое слово“, стр. 123.

къ этой послѣдней и ея предмету—проповѣдямъ, оно выносится изъ школы и въ жизнь. И порой намъ кажется, ужъ не оттого-ли, между прочимъ, наше духовенство въ общемъ все еще довольно равнодушно къ дѣлу проповѣди, все еще довольно скупо на слова назиданія ¹⁾, что уже на школьной скамьѣ утратило много живаго интереса къ церковному соборсѣдованію... Проповѣдь нашего духовенства до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ еще очень далека отъ злобы дня. Конечно, по гомилетикѣ Фаворова, отвлеченность проповѣди, равнодушіе ея къ потребностямъ минуты, пожалуй, только достоинство. Но въ настоящее время уже исчезаютъ защитники этого отжившаго взгляда схоластической школы на проповѣдничество ²⁾. Въ полномъ соотвѣтствіи съ внутрен-

¹⁾ „Всѣ нынѣ жалуются“,—говоритъ архіеп. Амвросій,—„на скудность и бесплодность проповѣди со стороны нашего наличнаго духовенства. Жалоба справедливая“... „Живое слово“, стр. 7. Тотъ-же писатель говоритъ о „мертвенномъ сѣбѣ безучастія и безпечности, который нынѣ овладѣлъ большинствомъ“ нашего паствы въ отношеніи проповѣдническаго дѣла, „Живое слово“, стр. 26.—Вотъ и другое авторитетное сужденіе въ такомъ-же родѣ. „Наше духовенство мало и рѣдко *учитъ*, оно служить въ Церкви и исполняетъ требы“. „Москов. Сборникъ“, изд. К. П. Побѣдоносцева третье, дополн. М. 1896. Стр. 141.

²⁾ Мнѣнію стараго гомилета любопытно противопоставить мнѣніе одного изъ современныхъ намъ—проф. Говорова.—По его убѣжденію, „публицистическій элементъ“,—которымъ „опредѣляется *соціальное* значеніе христіанской церковной проповѣди“ (указ. соч., стр. 40).—„органически, какъ цвѣтъ съ корнемъ, связанъ съ существомъ проповѣди, непосредственно отвѣчая требованію жизненной приспособленности ея“... (32 стр.). Впрочемъ, хотя „публицистическій элементъ въ церковной проповѣди“ (какъ это подробно и обстоятельно доказывается данными изъ исторіи ея на стр. 36 ad fin.—40 ab init. брошюры г. Говорова) „старѣе самой гомилетики, онъ, однакожъ, въ глазахъ нѣкоторыхъ ревнителей ея, все еще не имѣетъ аттестата зрѣлости для оправданія своего мѣста въ ней“ (33 стр.). Но это непризнаніе „публицистики“ „легальнымъ элементомъ въ проповѣднической области“ объясняется „недоразумѣніемъ“, смѣшеніемъ церковно-публицистическаго краснорѣчія со свѣтской публицистикой, „хотя разница между тѣмъ и другой, какъ между небомъ и землей“ (ibid.). Тогда какъ свѣтскій публицистъ, — приводимъ соображенія г. Говорова (33—36 стр.),—заинтересованъ непосредственно въ уничтоженіи общественнаго зла, проповѣдникъ — публицистъ борется противъ него, какъ признака внутренняго разложенія общества. Сообразно съ этимъ первый удовлетворяется внѣшнимъ улучшеніемъ общества, отсутствіемъ въ немъ видимаго зла, второй - же заботится больше всего о внутреннемъ, сердечномъ исправленіи каждаго изъ членовъ обще-

ней отрѣшенностью отъ жизни находится и та форма, въ которую облакается проповѣдь, изготовляемая по рецептамъ прот. Фаворова. Это какой-то особенный — не то русскій, не то славянскій—языкъ. Конечно, мы были бы не противъ употребленія въ проповѣди славянскихъ словъ и выраженій, но только въ случаѣ неизбѣжной нужды ¹⁾ и при условіи хорошаго знакомства проповѣдника со славянской рѣчью, когда-бы, говоря иначе, она была какъ бы его роднымъ языкомъ, когда бы она вѣрно и полно выражала его духовную жизнь. Но такимъ знакомствомъ наши духовные воспитанники далеко не всегда отличаются. Вообще-же говоря, въ интересѣ общедоступности проповѣди, который прежде всего и долженъ имѣться въ виду ²⁾, необходимо, чтобы проповѣди были излагаемы чистымъ, правильнымъ русскимъ языкомъ ³⁾. „Проповѣдь есть рѣчь къ народу, слѣдов., должна быть на томъ языкѣ, на которомъ говоритъ народъ; для русскаго народа и проповѣдь должна быть на русскомъ языкѣ“, совершенно справедливо замѣчаетъ о. Поторжинскій ⁴⁾. И это тѣмъ болѣе, что проповѣдь въ существѣ дѣла не что иное, какъ комментарий къ нашимъ, мало доступнымъ для массы народа, славянскимъ священнымъ, богослужебнымъ и символическимъ книгамъ, тѣмъ болѣе, съ другой стороны

ственнаго организма. Наконецъ, тогда какъ для свѣтскаго публициста критеріемъ при оцѣнкѣ явленій общественности служатъ рационально созданныя и потому субъективно-неустойчивыя идеи гуманизма, церковный публицистъ оцѣниваетъ эти явленія на основаніи твердаго и неизмѣннаго ученія Церкви. „Такимъ образомъ, общаго между свѣтскимъ и церковнымъ публицистомъ только то, что тотъ и другой имѣютъ дѣло съ современной имъ общественной жизнью и мыслью на нравственно-практической почвѣ, что тотъ и другой одушевлены стремленіемъ исправленія общества“... (36 стр.).

¹⁾ Это совсѣмъ не новое мнѣніе. Его можно встрѣтить даже въ нашихъ учебникахъ по гомилетикѣ. „Гдѣ можно обходиться безъ славянскихъ словъ и выраженій, тамъ нѣтъ нужды вводить ихъ въ рѣчь, особенно въ видѣ украшенія“,—говоритъ о. Поторжинскій. Указ. соч., стр. 706.

²⁾ „Проповѣдникъ долженъ говорить языкомъ всѣхъ людей, стремясь быть весьма понятнымъ“. Говоровъ. „Ораторское искусство въ древнее и новое время“. „Прав. Собесѣдн.“, 1897, іюнь, стр. 804.

³⁾ Само собой разумѣется, что этотъ языкъ, приближаясь къ общепонятной разговорной рѣчи, долженъ всячески избѣгать вульгарностей простонароднаго жаргона.—Объ этомъ см., напр., „Живое слово“, стр. 117—118.

⁴⁾ Указ. соч., стр. 706.

что русскій языкъ, высоко совершенный ¹⁾ и постоянно совершенствующійся, несравненно способнѣе *мертваго* славянскаго языка къ исчерпывающему выраженію самыхъ разнообразныхъ и самыхъ сложныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ явленій человѣческой жизни ²⁾. Особенно желательное изложеніе проповѣдей чистымъ русскимъ языкомъ еще и потому, что тѣже проповѣдники, которые возводятъ въ идеаль гомилетическаго изложенія беспорядочную и некрасивую смѣсь русскаго и худо имъ знакомаго славянскаго языка, наряду съ собственно славянскими словами и выраженіями, очень часто, незамѣтно для самихъ себя, прибѣгаютъ къ позаимствованіямъ изъ иностранныхъ языковъ ³⁾. Пишущему эти строки нѣсколько лѣтъ тому назадъ случайно пришлось быть въ одной сельской церкви и выслушать тамъ проповѣдь. Послѣдняя была изложена на общепринятомъ проповѣдническомъ языкѣ, что не помѣшало, однако, проповѣднику назвать апостоловъ Петра и Павла „героями христіанской вѣры“. И это передъ сельскими прихожанами?!—Нѣтъ, вмѣсто того, чтобы стараться писать проповѣди искусственнымъ, офиціознымъ слогомъ,—повторяемъ,—нужно заботиться нашимъ проповѣдникамъ говорить своей паствѣ слово назиданія такъ, чтобы она поняла его до послѣдней буквы, т. е. говорить *чисто по русски*. Такого именно проповѣдническаго изложенія желаетъ и наше общество, а не общепринятаго, котораго оно, несмотря на долготѣльную привычку къ нему, вполне естественно, не совѣмъ понимаетъ ⁴⁾.

1) „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!—... Нельзя не вѣрить, чтобы такой языкъ небылъ данъ великому народу!“ Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. Т. 9. Изданіе А. Ф. Маркса. СПб. 1898. Стр. 117.

2) По всему этому, конечно, архіеп. Амвросій предлагаетъ „оставить устарѣлыя формы рѣчи, неудобныя для потребностей минуты“.—„Живое слово“, стр. 27.

3) О серьезномъ значеніи послѣдняго недостатка въ проповѣднической рѣчи см., напр., „Живое слово“, стр. 46—47, особенно-же 115—116.

4) Позволимъ себѣ сослаться на одно беллетристическое произведеніе.—Дѣло происходитъ „на задворкахъ фабрики“ (такъ озаглавляется разсказъ). Авторъ, агрономъ, ведетъ бесѣду съ священникомъ соседняго села о. Аванасіемъ (обрисованнымъ вообще въ самомъ симпатичномъ свѣтѣ) по поводу одной книги свѣтскаго автора, касавшейся, по-

Вотъ всѣ тѣ основанія, по какимъ реформа преподаванія гомилетики въ духовныхъ семинаріяхъ представляется намъ весьма желательной.

Сейчасъ мы попытаемся показать, въ какомъ направленіи, по нашему мнѣнію, слѣдовало-бы вести эту реформу.

Первымъ и самымъ существеннымъ шагомъ, который нужно сдѣлать въ данномъ случаѣ, мы считали бы признаніе исключительно правильнымъ и послѣдовательное проведеніе на дѣлѣ того взгляда на гомилетику,—по крайней мѣрѣ, какъ она должна преподаваться въ семинаріяхъ,—что это главнымъ образомъ не знанье, не наука, а умѣнье, искусство наиболѣе полнымъ и совершеннымъ образомъ проявить естественные и благодатные проповѣдническіе дары ¹⁾. Но если такъ, если проповѣдники, въ противоположность ораторамъ и подобно поэтамъ, не столько *fiunt*, сколько *nascuntur*—естественно и благодатно, то къ проповѣдничеству готовится не одна гомилетика (и меньше всего—гомилетика схоластическая, понимаемая въ смыслъ механической выучки правилъ расположенія мыслей и изложенія ²⁾, а преимущественно вся совокупность научно-воспитательныхъ средствъ духовной школы ³⁾. И въ самомъ дѣлѣ. „Достоинства содержанія проповѣди—полнота аргументаціи, богословская доказательность—плодъ должнаго изуче-

видимому, религиозныхъ вопросовъ, которую онъ раньше предложилъ пречестъ священнику.

„Ну, что скажете?—спрашивалъ я...

—„Да что сказать? отвѣчалъ онъ.—Какъ—то все не то... Философія Ну, да и рѣчь-то совсѣмъ не по нашему...

—„То есть какъ это, не по вашему?... Что вы хотите сказать?—допытывался я.

„Ну, да! не по нашему: свѣтская рѣчь, не возвышенная...

—„А—а!... Вы хотите, чтобы всѣ такъ выражались, какъ нѣкоторые наши витіи: вмѣсто танцовщицы—плясавица, вмѣсто театра — позорнице и т. д.

„Ну, а что же ты тутъ находишь плохого?—горячился о. Аѳанасій.

—„Да какъ же не плохо,—шутилъ я. Скоро ужъ и нашу русскую-то рѣчь совсѣмъ забудете, перестанете и понимать насъ грѣшныхъ; да и васъ тоже“..

—„Русское Богатство“. 1897. № 7. Стр. 133—135.

1) Ср. Барсовъ. Указ. соч., стр. 291.

2) Барсовъ. Указ. соч., стр. 11.

3) Барсовъ. Указ. соч., стр. 34. 293.

нія богословія во всёхъ его отрасляхъ ¹⁾. Внутреннія свойства проповѣди..... — сила религіознаго убѣжденія, проникновеніе христіанскимъ идеаломъ жизни, ревностное-стремленіе виѣдрить этотъ идеалъ въ своихъ слушателяхъ, склонять ихъ устроить свою жизнь по заповѣдямъ евангелія.....—являются въ проповѣдникѣ какъ плодъ духовнаго помазанія, съ одной стороны, и воздѣйствія на него всёхъ образовательныхъ-воспитательныхъ ресурсовъ школы, съ другой“ ²⁾. Соответственно съ этимъ послѣдняя должна позаботиться о томъ, чтобы будущимъ проповѣдникамъ были „присущи тѣ „духъ и сила“, явленіемъ которыхъ, по апостолу, служитъ пастырское учительное слово,— „духъ“ святой вѣры Христовой и православной Церкви, „сила“ религіознаго убѣжденія“ ³⁾. Школа должна позаботиться, чтобы воспитать въ нихъ горячую любовь къ все-святому Богу и ближнему. Кто ревнуетъ по Богу, кто любитъ cadaго человѣка, какъ самого себя, тотъ,—особенно, если видитъ брата своего во грѣхѣ, на краю вѣчной гибели,—не можетъ не находиться какъ бы „въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ его ближнему Христось“ (Гал. 4, 19), не можетъ не заговорить, но не патетическими, дѣлаными словами мнимой человѣческой мудрости (1 Кор. 2, 4), а крикомъ сердца, который непременно найдетъ доступъ къ другому, хотя бы самому нераскаянному, сердцу. Отсюда, чѣмъ выше будетъ стоять въ нашихъ семинаріяхъ общее религіозно-нравственное развитіе ихъ питомцевъ, тѣмъ больше выйдетъ добрыхъ дѣлателей сѣять сѣмя слова Божія на обширной нивѣ нашей отечественной церкви.

Въ частности желательно, чтобы будущіе проповѣдники обладали возможно большей начитанностью въ Библии ⁴⁾. Не вдаваясь въ совершенно ненужныя разясненія и доказательства, ограничимся лишь приведеніемъ двухъ мнѣній по этому поводу. „Бл. Августинъ говоритъ, что отъ знанія

¹⁾ Хорошо о необходимости для современнаго проповѣдника солиднаго богословскаго образованія рассуждаетъ г. Горовъ. Указ. соч., 20—21 стр.

²⁾ Барсовъ. Указ. соч., стр. 33—34.

³⁾ Барсовъ. Указ. соч., 293 стр.

⁴⁾ Объ этомъ есть горячая страница изъ одного католическаго писателя въ указ. брошюрѣ г. Горова (21—22 ab init.).

слова Божія на память человѣкъ, малый по дарованіямъ природнымъ, не имѣющій великой способности слова, заимствуетъ себѣ ростъ и величіе отъ великихъ мужей Библии, отъ священныхъ писателей“ ¹⁾. Ту же самую мысль выразилъ и Шпенеръ, сказавъ: „Кто живетъ въ Библии, какъ въ своемъ домѣ, тотъ всегда будетъ хорошимъ проповѣдникомъ“ ²⁾.

Совершенно необходимо затѣмъ, чтобы будущіе проповѣдники своевременно приобрѣли достаточное знакомство съ дѣйствительной, живой жизнью, съ ея внутренними и внѣшними условіями. И понятно почему такъ. „Слово человѣка, не знающаго и не желающаго знать дѣйствительной жизни, не можетъ быть затрогивающимъ, мѣткимъ, интереснымъ и поучительнымъ“ ³⁾. Проповѣдникъ — теоретикъ „не можетъ дать своимъ религіозно-нравственнымъ идеямъ и возрѣніямъ жизненной реализаціи, и потому абстрактность, отвлеченность и общность въ сужденіяхъ, въ совѣтахъ и наставленіяхъ стануть между нимъ и слушателями широкой стѣной, вмѣсто которой долженъ бы быть широкой мостъ“ ⁴⁾. Конечно, знаніе дѣйствительной жизни до нѣкоторой степени можетъ быть достигнуто черезъ ознакомленіе еще на школьной скамьѣ (послѣ, пожалуй, не будетъ времени и возможности) съ современной свѣтской литературой и съ журналистикой, по крайней мѣрѣ, духовной ⁵⁾, — главнымъ-же образомъ, — такъ какъ „никогда книга не замѣнитъ живой дѣйствительности“ ⁶⁾, — черезъ внимательное наблюденіе индивидуальной и общественной жизни и сопутствующему ему самонаблюденію ⁷⁾.

Что касается перемѣнъ въ собственно гомилетическомъ обученіи, то намъ представлялось бы необходимымъ произвести слѣдующія.

Конечно, если бы была къ тому какая-нибудь возмож-

1) Поторжинскій. Указ. соч., прим. на стр. 698.

2) Барсовъ. Указ. соч., стр. 30.

3) „Рус. Старина“. 1894. X. 115. См. у Говорова, указ. соч., стр. 3.

4) Говоровъ. Указ. соч., стр. 25.

5) Барсовъ. Указ. соч., стр. 32.

6) Говоровъ. Указ. соч., стр. 26.

7) Объ этомъ подробно и весьма убѣдительно разсуждаетъ г. Говоровъ. Указ. соч., стр. 22—31.

ность, мы были бы не прочь отъ увеличенія числа уроковъ по гомилетикѣ ¹⁾. Но, взятая сама по себѣ, эта мѣра представляется намъ не больше, какъ палліативомъ. Нѣтъ, въ зависимости отъ предлагаемой перемѣны самаго понятія о гомилетикѣ, мы находили бы необходимымъ прежде всего, чтобы способнымъ къ преподаванію ея считался не всякій рѣшительно кандидатъ духовной академіи, а только тотъ, который обнаружилъ несомнѣнную и особенную любовь и способность къ дѣлу проповѣдничества ²⁾. И въ самомъ дѣлѣ, только такое лицо, одаренное спеціальною способностью и симпатіей, можетъ вложить душу въ преподаваніе гомилетики и своимъ проповѣдническимъ талантомъ и примѣромъ пробудить интересъ къ дѣлу церковнаго учительства въ тѣхъ изъ своихъ учениковъ, которые отъ природы призваны къ нему.

Переданное въ руки расположенныхъ, способныхъ и спеціально подготовившихся къ нему лицъ ³⁾, преподаваніе гомилетики должно имѣть теперь почти исключительно практическій характеръ. Дѣло въ томъ, что „дѣйствительная причина ошибочной исключительно - риторической поста-

¹⁾ Однако не въ 4 классѣ въ виду его общаго, не гармонирующаго съ гомилетикой, философскаго характера и совершенной почти богословской неподготовленности обучающихся въ немъ. Наоборотъ, было бы, можетъ быть, лучше и совсѣмъ изъять гомилетику изъ программы 4 класса, сосредоточивъ преподаваніе этого предмета исключительно въ двухъ послѣднихъ классахъ семинаріи. Подробности объ этомъ см. „Школа и жизнь“. С. П. „Христ. Чтеніе“, 1897, сент., стр. 373, 375. Ср. В. П-ва „Pia desideria“. „Бог. В.“ 1894. I. Стр. 376—8.

²⁾ Здѣсь умѣстно высказать пожеланіе, чтобы при назначеніи кандидатовъ богословія на преподавательскія должности болѣе, чѣмъ теперь, удѣлялось вниманія ихъ ученымъ способностямъ и симпатіямъ. Пренебреженіе къ этой сторонѣ дѣла сопровождается болѣе вредными, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, послѣдствіями. Не здѣсь-ли, въ отношеніи къ гомилетикѣ, одно изъ объясненій „повальнаго“ бѣгства съ кафедры этой науки назначаемыхъ на нее лицъ?

³⁾ Въ интересахъ такой подготовки цѣлесообразно было бы ввести для студентовъ академій, избравшихъ своей спеціальностью гомилетику, — помимо обязательнаго частаго произнесенія проповѣдей и участія во внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, — практическія занятія по этому предмету, подобныя тѣмъ, что вѣтъ въ свое время, при дѣйствіи устава 1867 г., на 4 курсѣ Петербургской академіи проф. Н. И. Барсовъ — Указ. соч., стр. 36 слл., стр. 250—251.

новки гомилетики... происходитъ отъ неправильности самаго опредѣленія проповѣди, изъ котораго.... какъ это бываетъ всегда, естественно, развивается и вся система“¹⁾. Съ замѣной-же этого понятія правильнымъ изученіе теоріи,—особенно искусственной теоріи Фаворова,—должно быть уменьшено до самой послѣдней степени, тѣмъ болѣе, что сами защитники мнѣнія о безусловной необходимости для будущихъ проповѣдниковъ теоріи проповѣди сознаются, что послѣдняя „въ ходѣ развитія специально проповѣдническаго образованія дѣйствуетъ на проповѣдника не столько „продуктивно“, сколько „регулятивно“, какъ выражаются нѣмецкіе гомилеты“²⁾. А было-бы, можетъ быть, и еще лучше, еслибы у воспитанниковъ совсѣмъ не было подъ руками руководства по гомилетикѣ³⁾.

1) Барсовъ. Указ. соч., стр. 7.

2) Барсовъ. Указ. соч., стр. 277. См. также у Говорова, указ. соч., стр. 24.

3) Впрочемъ, говоря такъ, мы отнюдь не думаемъ отрицать настоящей кричащей потребности въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ руководствѣ по теоріи церковнаго собесѣдованія, которое своимъ появленіемъ сдѣлало бы въ давно ждущей ее архивъ гомилетику Фаворова. Но, само собой разумѣется, содержаніе этого желаемого и ожидаемаго руководства должно быть совсѣмъ не такимъ, къ какому приучила насъ только что упомянутая книга.

„Указаніе и изображеніе“,—говоритъ проф. Н. П. Барсовъ,—„тѣхъ психическихъ процессовъ, въ которыхъ состоитъ, соответственно библейскимъ и святоотеческимъ указаніямъ, продукція проповѣди, въ ея различныхъ, соответственно различію предметовъ и обстоятельствъ, видахъ, и которые можно наблюдать, анализировать и синтезировать въ образцовыхъ произведеніяхъ проповѣди, главн. образомъ святоотеческой, и должно прежде всего составлять предметъ гомилетики“ (Указ. соч., стр. 19) и—добавимъ мы—содержаніе будущаго руководства по этому предмету. Проф. Барсовъ указываетъ въ общихъ чертахъ и это содержаніе, равно какъ планъ, по которому оно должно располагаться (*Ibid.*, стр. 278—279, 294—297).

Однако, мы въ принципѣ противъ предположенія почтеннаго писателя, на которомъ онъ и самъ не настаиваетъ, будто преподаванію гомилетики въ духовныхъ семинаріяхъ можно придать и историческій характеръ. Такимъ методомъ гомилетика, по нашему мнѣнію, можетъ преподаваться только въ академіяхъ.

Не менѣе плодотворныхъ указаній авторъ ожидаемаго учебника по гомилетикѣ можетъ найти въ разныхъ мѣстахъ (7—8, 10—11, 14—15,

Занятія преподавателя съ учениками уже съ самаго начала должны состоять въ чтеніи возможно большаго количества проповѣдническихъ образцовъ ¹⁾. Прочитанные предварительно дома,—для чего каждый ученикъ долженъ имѣть подъ руками тщательно ²⁾ составленную гомилетическую христоматию,—эти образцы сначала самимъ учителемъ, а потомъ (когда уроки учителя познакомятъ ихъ съ теоріей проповѣди) учениками подъ руководствомъ послѣдняго должны быть разбираемы,—какъ только будетъ это возможно,—сразу во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. и со стороны содержанія, и со стороны формы, и со стороны внутренняго характера, и со стороны изложенія. Этому исключительно дѣлу должны быть посвящены всѣ уроки гомилетики въ 4 классѣ, къ концу котораго ученики пріобрѣтутъ такимъ образомъ нѣкоторую начитанность въ проповѣднической литературѣ и получатъ наглядное общее представленіе объ отличительныхъ особен-

15—22, 22—33, 42—45) знакомой уже нашему читателю брошюры г. Говорова: „Основной принципъ церковной проповѣди“... Жаль только, что авторъ „въ предѣлахъ скромныхъ размѣровъ рѣчи“ (на актѣ Казанской академіи) вынужденъ былъ высказать свои интересныя мысли „о существѣ и задачахъ“ (3 стр.) церковнаго собесѣдованія въ видѣ „лишь указанія главныхъ руководящихъ началъ, лежащихъ въ основаніи церковно-ораторскаго красворѣчія“ (6 стр.).

Почти вовсе устраняя, вопреки господствующему у насъ обыкновенію, отдѣлъ о предметахъ проповѣди, проф. Говоровъ, опять вопреки этому обыкновенію, предлагаетъ удѣлять самое широкое мѣсто выясненію (въ извѣстномъ намъ смыслѣ) понятія о существѣ и цѣляхъ проповѣди (ср. указ. соч. Барсова, стр. 4) и выводить затѣмъ изъ этого понятія все остальное содержаніе гомилетики. Иначе—„часть *принципіальная*“...—по его мнѣнію,—„должна быть фундаментальною частью всей гомилетики вообще и прикладной, практической гомилетики, или гомилетической методологіи—въ частности“, а „матеріальная“ часть гомилетики... безъ всякаго научнаго ущерба и безъ особеннаго сожалѣнія можетъ быть совсѣмъ выпущена“. (Говоровъ. Указ. соч., 11 стр.).

Нѣкоторыя указанія для составителя будущаго учебника по гомилетикѣ могутъ дать и извѣстныя уже намъ статьи г. В. П-ва: „*Pia desideria*“... и „Программа гомилетики“ („Бог. Вѣст.“ 1894. I и 1895. III), но почти только въ отношеніи плана книги, потому что относительно содержанія ея г. В. П-въ держится отвергаемаго нами устарѣлаго (схоластическаго) взгляда.

¹⁾ Барсовъ. Указ. соч., стр. 297.

²⁾ Въ томъ смыслѣ, чтобы она дѣйствительно состояла изъ лучшихъ произведеній лучшихъ проповѣдниковъ.

ностяхъ церковной проповѣди ¹⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ отчасти на основаніи учительскаго примѣра, который, конечно, долженъ быть болѣе или менѣе образцовымъ ²⁾, отчасти на основаніи своихъ собственныхъ и товарищескихъ классныхъ опытовъ, исправляемыхъ преподавателемъ, ученики пріобрѣтутъ здѣсь нѣкоторый навѣкъ въ искусствѣ проповѣдническаго произношенія ³⁾.

Въ видахъ возбужденія въ ученикахъ живого интереса къ церковному собесѣдованію и наученія ихъ составлять и произносить проповѣди, полезно во всѣхъ классахъ, тѣмъ болѣе въ старшихъ, гдѣ преподается гомилетика, знакомить учащихся съ живыми опытами церковнаго собесѣдованія. Для этого не только необходимо бы обратитъ семинарскій храмъ въ постоянную школу хорошей проповѣди съ приглашеніемъ сюда, если понадобится, лучшихъ епархіальныхъ проповѣдниковъ, но и посылать семинаристовъ слушать, — разумѣется, съ обязательствомъ отдавать отчетъ въ выслушанномъ преподавателю гомилетики, — лучшихъ мѣстныхъ проповѣдниковъ ⁴⁾. Затѣмъ, какъ можно скорѣе, непременно съ 5 класса, нужно привлекать учениковъ семинаріи къ дѣятельному участию въ церковномъ проповѣдничествѣ. Первой ступенью этого участія должно считать произнесеніе ими въ своей семинарской и ближайшихъ приходскихъ церквахъ

¹⁾ Барсовъ. Указ. соч., стр. 294, также 20—21 и вообще 20—23.

²⁾ Для этого преподаватели гомилетики еще на академической скамьѣ должны научиться искусству декламации вообще и проповѣдническому произношенію въ частности. Это наученіе можетъ быть достигнуто отчасти ими самими, черезъ ознакомленіе съ соответствующими пособіями (такія пособія въ настоящее время есть и на русскомъ языкѣ), отчасти при помощи специалистовъ свѣтской и церковной декламации. Подробнѣе объ этомъ см. у Барсова, указ. соч., стр. 40—41.

³⁾ Последнее слѣдуетъ понимать, разумѣется, не въ смыслѣ настоящей (театральной) декламации, а въ смыслѣ умѣнья произнести проповѣдь „внятно, ясно, съ привычнымъ ученому человѣку разграниченіемъ и отгѣненіемъ мыслей“ („Живое слово“, стр. 49—70).

⁴⁾ Это очень легко было бы осуществить, еслибы были приведены въ исполненіе предложенія проф. Н. И. Барсова объ установленіи въ наиболѣе удобной и посѣщаемой церкви каждаго городского благочинническаго округа постоянного (по очереди всѣми священниками благочинія) проповѣданія слова Божія, а также объ учрежденіи, точнѣе — о возстановленіи у насъ особаго класса священнослужителей — проповѣдниковъ. — Указ. соч., стр. 27—29.

заранѣе просмотрѣнныхъ и разученныхъ готовыхъ проповѣдей ¹⁾. Это дѣло, какъ показываетъ опытъ, увлекаетъ учениковъ уже одной очевидной пользой, которую оно приноситъ, а главное—оно обнаруживаетъ, у кого изъ нихъ есть интересъ, любовь и способность къ проповѣдническому дѣлу, особенно—способность произношенія ²⁾. Не говоримъ уже о томъ, что черезъ это ученики приучаются смотрѣть на занятія по гомилетикѣ болѣе серьезно, какъ бы на „предначатіе священнослуженія“ ³⁾.

Продолжая затѣмъ въ 5 и 6 клл. чтеніе и разборъ образцовъ, преподаватель не малое мѣсто будетъ удѣлять и тѣмъ устнымъ, а отчасти и письменнымъ ⁴⁾ упражненіямъ, которыя являются подготовительной ступенью къ импровизаціи. Мы говоримъ о предварительномъ домашнемъ и особенно классномъ подыскиваніи и обработкѣ матеріала для разнаго рода церковныхъ собесѣдованій, а также и о письменныхъ импровизаціяхъ въ проповѣдническомъ родѣ. Впрочемъ, особенное вниманіе преподаватель, на нашъ взглядъ, долженъ удѣлять первому упражненію, потому что оно, какъ мы отмѣтили, такъ сказать, шагъ за шагомъ показываетъ воспитаннику процессъ составленія проповѣди ⁵⁾.

¹⁾ Само собой разумѣется, что выборъ (хотя производимый для возбужденія интереса самими учениками) и произношеніе этихъ проповѣдей должны находиться подъ постояннымъ и бдительнымъ надзоромъ преподавателя гомилетики.

²⁾ Выссокопреосв. Амвросій вполне основательно совѣтуетъ по возможности съ дѣтства подмѣчать въ учащихъ способность къ живой устной рѣчи и указываетъ, какъ развивать эту способность.—„Живое слово“, стр. 119—121.

³⁾ Барсовъ. Указ. соч., стр. 293.

⁴⁾ Изъ того понятія, какое мы дали объ особенностяхъ проповѣдническаго изложенія (общедоступность и—глав. образомъ—строгое соотвѣтствіе требованіямъ не столько эстетическаго, сколько нравственнаго и религіознаго чувства) ясно, что мы отрицаемъ самую возможность спеціальнаго обученія этому изложенію.

⁵⁾ Проф. Барсовъ и г. В. П-въ при этихъ и подобныхъ гомилетическихкихъ упражненіяхъ рекомендуютъ пользоваться извѣстной книгой прот. Толмачева: „Православное собесѣдовательное богословіе или практическая гомилетика“ (которая, въ первый разъ напечатанная въ 1877 г., недавно, 1898—9 г., переиздана съ нѣкоторыми дополненіями,—въ видѣ современныхъ проповѣдей и библиографическихкихъ указателей,—редакціей журнала „Странникъ“). Не отрицаю тщательнаго подбора въ этомъ со-

Что касается столь употребительныхъ до сихъ поръ классныхъ импровизаций, то, какъ помнитъ читатель, мы лично не признаемъ за ними никакого значенія въ дѣлѣ подготовки къ настоящимъ импровизациямъ, къ проповѣдничеству вообще. Поэтому, мы очень бы не прочь замѣнить ихъ пересказомъ съ измѣненіями, сокращеніями и дополненіями (если они понадобятся) прочитанныхъ передъ тѣмъ и разобранныхъ въ классѣ проповѣдей. При этомъ, помимо специальной цѣли импровизаций, достигалось бы сознательное знакомство учениковъ съ большимъ количествомъ гомилетическихкихъ образцовъ. Съ успѣхомъ можетъ замѣнить импровизации, намъ кажется, и простая связанная передача къмъ-нибудь изъ учениковъ матеріала на извѣстную тему или лучше,—матеріала, который предварительно былъ подобранъ въ классѣ-же однимъ или нѣсколькими его товарищами ¹⁾).

Подготовленный путемъ классныхъ бесѣдъ подъ руководствомъ учителя (и потомъ, если угодно, записанный) и письменныхъ экспромтовъ, матеріалъ ученики должны эксплуатировать,—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—въ видѣ настоящихъ проповѣдей, произносимыхъ предъ настоящими слушателями въ храмѣ ²⁾). Только въ этомъ случаѣ упомяну-

ченіи проповѣдническаго матеріала, мы недовольны тѣмъ, что темы и самая разработка ихъ у Толмачева въ общемъ страдаютъ отвлеченностью и искусственностью. вмѣстѣ съ тѣмъ мы вполне разделяемъ мнѣніе архіепископа Амвросія, что весьма большое (и. добавимъ гораздо большее, чѣмъ пособіе Толмачева и ему подобныя) значеніе въ данномъ случаѣ имѣютъ такъ наз. симфоніи, нынѣ, къ сожалѣнію, мало распространенныя.—„Живое слово“, стр. 113—115.

¹⁾ Превосходные практическіе совѣты относительно импровизации по внутренней и внешней ея сторонѣ будущіе пастыри найдутъ въ „Живомъ словѣ“, стр. 76—119.

²⁾ „На мѣстѣ самой проповѣди долженъ приучаться будущій проповѣдникъ—импровизаторъ“,—справедливо говоритъ высокопреосв. Амвросій („Живое слово“, стр. 123). Но не семинарскій храмъ,—думаемъ мы вопреки архипастырю,—долженъ быть поприщемъ первыхъ шаговъ будущаго церковнаго импровизатора. Здѣсь, какъ признаетъ и самъ архіеп. Амвросій, юный проповѣдникъ бываетъ сильно стѣсненъ составомъ слушателей (учителей и учениковъ, т. е. высшихъ и равныхъ ему по развитію), особенно-же выборомъ темъ (125—126). Гораздо лучше произносить семинаристамъ,—какъ это и бываетъ обыкновенно,—свои первыя неофициальныя проповѣди за ранней обѣдой или какой-нибудь другой неторжественной службой гдѣ-нибудь въ скромной приходской церкви.

тыя подготовительныя упражненія къ проповѣдничеству получать въ глазахъ обучающихся живой интересъ и серьезное значеніе. Только въ этомъ случаѣ, далѣе, обнаружатся воспитанники, имѣющіе истинное призваніе и способность къ проповѣдническому дѣлу, и эта способность получить надлежащее воспитаніе и развитіе ¹⁾. Тогда задача школы—замѣтить и вызвать къ жизни талантъ—будетъ достигнута.

Мы кончили. Читатель могъ видѣть, что тѣ взгляды, которые мы высказали и старались защитить, не стоятъ особнякомъ въ нашей гомилетической литературѣ (мы старательно подчеркивали это многократными ссылками на компетентныя свидѣтельства) и не требуютъ ломки въ существующей системѣ семинарскаго образованія. Скажемъ больше,—что указываемыя нами желательныя измѣненія относительно преподаванія гомилетики въ духовныхъ семинаріяхъ, въ общемъ и въ подробностяхъ, представляютъ логическое развитіе того начала, которое положено въ основу извѣстной „выписки“ Все это подаетъ автору настоящей статьи нѣкоторое право надѣяться, что его предложенія, хотя когда-нибудь, хотя отчасти, перейдутъ изъ области робкихъ мечтаній въ область дѣйствительности.

Б. Г.

если же въ семинарскомъ храмѣ, то за какой-нибудь будничной службой или за вѣбгослужебнымъ собесѣдованіемъ, иначе говоря -- въ присутствіи слушателей изъ простаго народа. И это тѣмъ естественнѣе, что большинству нашихъ духовныхъ воспитанниковъ въ теченіе всей будущей пастырской жизни придется имѣть только подобныхъ слушателей. На такомъ основаніи очень полезно было бы обратить вниманіе на организацию во всѣхъ семинарскихъ храмахъ вѣбгослужебныхъ собесѣдованій

¹⁾ „Но“, — скажутъ намъ, — „какъ-же быть съ тѣми, у которыхъ не окажется этой способности и этого призванія?“ На нашъ взглядъ, такихъ лицъ, какъ и ранней спеціализаціи вообще, не должно бы быть въ настоящей духовной школѣ. Впрочемъ, мы убѣждены, что и подобныя, непризванные къ проповѣдничеству, ученики этой школы, вѣтави, больше получатъ пользы отъ предлагаемаго нами способа преподаванія гомилетики, чѣмъ отъ обычнаго.